

ПРОБЛЕМА ЛАТЕНТНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ЭТНОСТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

Ситуация *этнического самоопределения* не только была, но и продолжает оставаться неоднозначной. Процессы национально-политического *самоопределения народов* накладываются на *личную самоидентификацию* как в гражданском, так и в этнокультурном измерениях. Учитывая наш опыт мы вправе говорить и о «чрезмерной» *политизации* явлений, которые в сущности имеют неполитическую природу, и о деполитизации («*табуировании*») некоторых собственно политических проблем. Поле пересечения этих разнонаправленных процессов оказалось и этническое самоопределение личности. Задача, очевидно, состоит в том, чтобы как раз *деполитизировать*, «*окультурить*» то, что было искусственно политизировано, и придать адекватный статус политически значимым проблемам. Что для этого нужно отказаться от многих привычных «парадигм», стереотипов — само собой разумеется. И одна из наиболее укорененных у нас — это *политизация (бюрократизация) этнического статуса личности* и подчинения нетривиальной логики этого культурного самоопределения человека правилам административного мышления. Первый шаг в «дебюрократизации» уже сделан: снята графа национальность в новых украинских паспортах. Довольно таки революционный смысл этого шага далеко не очевиден (может быть, поэтому он и стал возможным?).

Дело в том, что политическая проблема гражданского статуса личности этим актом отмежевывается от проблемы этнокультурного самоопределения личности. И как говорится, слава Богу! Ибо это совершенно разные по природе своей проблемы.

Кем бы человек ни был «*по происхождению*», он волен быть — в силу действия закона — «*гражданином Украины*», «*украинским гражданином*» и в этом смысле *украинцем* (не по «энной» графе в паспорте, а по самому паспорту, по его «титулу»). Как гражданин *Франции* — *французом*, *США* — *американцем* и т.д. И совсем другая проблема, кем человек «является», как себя определяет в мире национальной культуры, каков его, так сказать, *этнический статус*. Об этой проблеме и связанных с ней сложностях и пойдет далее речь.

Коротко обозначим ее суть, как она предстает перед исследователем по данным последнего социологического опроса, проведенного Киевским Международным Институтом Социологии (КМИС). 23– 25 мая 1994 года было опрошено по репрезентативной (для всего взрослого населения Украины) выборке тысяча респондентов. На вопрос: «Кем Вы считаете себя по национальности?» ответы дали обычную картину, устойчиво воспроизводящуюся в подобных исследованиях: украинцами назвали себя 71%, русскими — 20%, остальные — все другие варианты (напомним, что по переписи 1989 года украинцев насчитывалось 73%, русских — 22%). А далее интервьюеры задавали такой нестандартный вопрос, который мы воспроизводим дословно: «*Я прошу Вас ответить еще на один вопрос о национальной принадлежности, чтобы записать ее по возможности более точно. Это связано с тем, что иногда люди считают себя принадлежащими одновременно к двум или даже более национальностям. Посмотрите, пожалуйста, на эту карточку и скажите, какое из этих суждений больше других соответствует Вашему мнению о себе?*»

А далее, среди вариантов ответов, кроме привычных этнонимов, по отношению к которым респонденты могли самоопределиваться («украинец– украинка», «русский– русская»), предлагалось еще три варианта, которые в различной степени объединяли, совмещали две самые распространенные национальности Украины — украинскую и русскую (о других национальностях, которые в нашем опросе представлены менее, чем четвертью процентами респондентов, речь пока не идет).

Результат такой: на «втором шаге» этнического самоопределения, как можно было бы назвать ответы на этот новый вопрос, считают себя *«исключительно украинцами»* 59,3%, *«украинцами и русскими, но больше украинцами»* — 10,3%, *«в равной мере украинцами и русскими»* — 11,2%, *«украинцами и русскими, но больше русскими»* — 6,7%, *«исключительно русскими»* — 11,9%.

Итак, 28,2% респондентов (т.е., как мы уверены, граждан Украины, которым уже исполнилось 18 лет и старше) составляют в некотором смысле новую *биэтническую* («миксированную») национальную группу. Новую — для общественного самосознания и сознания большинства респондентов. (Большинства, но не всех! 4.5% респондентов, отвечая уже на первый этнометрический вопрос — *«Кем Вы себя считаете по национальности»*, где никаких «подсказок» не предусматривалось, сказали, что они «и украинцы и русские»).

Из тех, кто отнес себя к украинцам в ответе на первый вопрос, примерно 20% считают себя в определенной мере и русскими (*больше украинцами, чем русскими* — 12,2%, *в равной мере* — 6,4%, *больше русскими* — 1,4%). В то же время из тех респондентов, которые по «первому» этническому самоопределению назвались русскими, 43% являются, как оказывается при дальнейшем углублении, одновременно в определенной мере и украинцами (*больше русскими* — 22,8%; *в равной мере* — 18,8%; *больше украинцами* — 2,0%). Обращает на себя внимание характер этой статистики: и в том, и в другом случаях мы имеем дело с *«нормальным распределением»* — плавными кривыми, которые соединяют моно- и поливариантные идентификации в едином этнокультурном континууме.

Весьма показательным является то обстоятельство, что приведенные результаты по биэтническим группам во всеукраинском опросе КМИСа хорошо согласуются с данными опросов жителей Киева и Донецка (выборка по тысяче респондентов), которые проводились в конце апреля с.г. в рамках программы сравнительного исследования *«Языки и национальности в Украине»*, реализуемой Домиником Арелем вместе с коллегами из Университета Дюка (Канада) и Мак-Джилла (США). Здесь впервые была применена по инициативе КМИСа описанная этнометрическая шкала в блоке с другими вопросами о национальной принадлежности. Интересующие нас здесь данные таковы: в Киеве — украинцы — 53%, украинцы и русские — 31% (по *биэтническим подгруппам* — 10%, 15% и 6%), русские — 8%, в Донецке — украинцы — 29%, украинцы и русские — 28% (по *биэтническим подгруппам* — 8%, 13% и 7%). «Вклад» украинцев в смешанные группы: в Киеве — 24% от *«первичных» украинцев*; в Донецке — 33%; «вклад» русских: в Киеве — 50% от *«первичных» русских*; в Донецке — 21%.

Если принять во внимание, что идентичные в отношении этнической структуры опросы с аналогичными многочисленными «прицельными» выборками были проведены в мае с.г. во Львове и Львовской области, в Винницкой области и в Одессе (данные в настоящее время обрабатываются), что в ближайшее время будут повторены опросы по всеукраинской выборке, то очевидно, что накапливается достаточно весомый материал для размышлений. Однако, насколько реальна эта «социологическая реальность»?

Не с артефактом ли мы имеем дело? Ведь получилось, что, как говорится, каков вопрос — таков и ответ! «По подсказке» группа из 45 человек выросла до 275 человек.

Действительно, наш результат — результат *«социологического диалога»*. Многие респонденты, скорее всего, впервые посмотрели на себя с этой — поликультурной, поливариантной стороны. Но если бы такая постановка вопроса была бы для них совсем чуждой, они бы иначе и отвечали: о принуждении ведь не приходится говорить, социолог — не сотрудник паспортного стола или ОВИРа!

Вместе с тем, обнаруженную в исследовании реальность биэтнической идентификации (ее соответствие реальному билингвизму еще будет повод проанализировать, равно как и ту нетривиальную ситуацию, которая создается комбинацией, реальным сочетанием этнолингвистических и этнических групп — русскоговорящих украинцев, украиноговорящих русских и т.п.) необходимо отличать от актуально преобладающей в общест-

венном сознании моноэтнической идентификации. Поэтому мы предлагаем ввести понятия (термины), специфицирующие некоторые ранее не фиксируемые возможности в пространстве поливариантного этнического самоопределения. Речь идет, прежде всего, о такой этнической самоидентификации, которую можно было бы охарактеризовать как *латентную* — в отличие от *актуальной*, которая артикулируется безусловным образом (без предпосылок в виде «социологических подсказок»).

Насколько «скрытой» от повседневного мышления является реальность биэтнического самоопределения? Этот вопрос пока еще не исследовался. Можно предположить, что понимание ситуации поликультурной этнической идентификации будет проявляться не только со стороны тех, кто отнес ее к себе, но и тех, кто считает себя исключительно «мононационалами». Новое еще не значит «чуждое», что будет отвергаться в принципе «с порога». И украинскому, и русскому национальному характеру присуща терпимость, покладистость. Посмотрим, как она себя здесь проявит.

Характеристики этнических (этнолингвистических, этнокультурных, этнополитических, этнорелигиозных и т.д.) групп, которые были зафиксированы в описываемом исследовании, еще предстоит проанализировать. Однако уже ясно, что традиционная двухкомпонентная (по наиболее многочисленным на Украине украинскому и русскому этносам) модель доминирующей этнической структуры населения Украины не является релевантной.

Это обстоятельство было обнаружено впервые В.Е. Хмелько при анализе этнолингвистической структуры политических ориентаций населения Украины. Оказалось, что по ряду важнейших политических и социально-экономических характеристик, по политическим действиям, по расселению на территории Украины явно выделяются три группы: *украиноговорящие украинцы* — 40% (преобладают в Западных областях), *русскоговорящие украинцы* — 33% (центральные области) и *русскоговорящие русские* — 21% (южные области), Крым).*

«Хорошо работающее» этнолингвистическое структурирование может быть дополнено моделью *латентной этнической структуры* с вычленением *биэтнических* групп.

Подводя предварительные итоги можно сказать, что развитие этнометрического инструментария позволило обнаружить целый социологический «континент», анализ которого представляется перспективным во многих отношениях — как теоретических, так и практических.

(31 мая 1994 г.)

(Заместитель заведующего аналитическим отделом *Ленчовский Р.И.*)

* *Хмелько В.Е.* Передвиборчі настрої міського населення України // Політичний портрет України. — Бюлетень навчально-дослідного центру «Демократичні ініціативи». Вип. 6. Київ, 1994.